

— Разве император ради общего блага не блюдет добродетель, а ради собственной выгоды унижает родных братьев? Разве это не заставляет весь мир смеяться над тем, что у правителя нашего Да Юн нет ни ума, ни чести!

— ...

Яо Гуй уже едва мог слушать это и с сомнением в голосе тихо спросил:

— Ваше Величество, может, всё-таки велеть кому-нибудь выйти и уговорить их разойтись? Если так пойдет и дальше, боюсь, добром это не кончится.

В покоях разожгли угольную перовь из пурпурного золота, и Пэй Хэн, сидя по-турецки, жарил мясо. С усмешкой он протянул:

— Этот старик Кан Хуайшоу даже слег от злости. Если только Мы не вернем серьгу-гвоздик «Иволга», да заодно не пожалуем Се Цзиню титул регента, с чего бы этим северным чиновникам слушать хоть какие-то уговоры? К тому же этот спектакль заказан самой Резиденцией канцлера, так что Нам непременно нужно пойти у них на поводу — закончить всё тят-ляп равносильно тому, чтобы пустить все труды на ветер.

Унизить Се Цзиня, разъярить северных чиновников — именно такой исход жаждали увидеть Сыту Чжао и Южная партия.

Пэй Хэн был пешкой в чужих руках и не мог самостоятельно переломить ситуацию.

А собравшиеся снаружи люди напоминали пороховую бочку, готовую взорваться от малейшей искры. И раз уж им позволено переворачивать всё вверх дном у ворот, лучше всего было просто укрыться от бури.

Пэй Хэн мрачно бросил:

— Что там с Кан Хуайшоу?

Яо Гуй ответил:

— Докладываю Вашему Величеству: лекари говорят, что Великий наставник Кан свалился от резкого приступа гнева. Опасности для жизни, судя по всему, нет, и после некоторого отдыха ему станет лучше.

Пэй Хэн словно бы с облегчением выдохнул про себя, помедлил и снова спросил:

— А Се Цзинь?

Яо Гуй на мгновение растерялся, не понимая, о чем именно спрашивает император, и ответил единственным возможным образом:

— Последние два дня евнух ничего не слышал о каких-либо новостях из Дворца Юнъань.

Пэй Хэн удивленно приподнял бровь, но тут же подумал — впрочем, так и должно быть.

Се Цзинь обычно привык строить из себя благородного и неприступного, с какой стати ему на самом деле выносить на свет их постыдную, порочную связь? Он мог лишь проглотить кровь вместе с выбитыми зубами.

Однако неизвестно почему, вспомнив то помрачение рассудка в тот день, он не испытал ни малейшего отвращения или брезгливости, а в памяти вновь и вновь всплывало сдержанное, холодное лицо Се Цзиня, на котором то и дело вспыхивали алые волны румянца...

Мясо в жаровне непрерывно шкворчало, язык пламени вырвался снизу, и лишь после того, как Яо Гуй несколько раз окликнул Ваше Величество, Пэй Хэн пришел в себя.

— Ваше Величество, берегите руки, обожжетесь. Если мясо опять подгорит, позвольте лучше слугам заняться этим.

Пэй Хэн лишь с опозданием почувствовал, как заныл от ожога большой палец. Спрятав боль, он сделал вид, что ничего не произошло, и бросил:

— Ладно уж.

Он только было собрался подняться, намереваясь пойти отдохнуть, как ругань снаружи вдруг стихла. Ей на смену пришли испуганные возгласы, за которыми последовали звуки толкотни и потасовки — обстановка явно выходила из-под контроля.

— Что там творится снаружи? — нахмурившись и встревожившись, спросил Пэй Хэн.

В панику бросился евнух:

— В-ваше Величество! Только что один из чиновников впопыхах... сам не пойми как угодил головой прямо в каменного льва перед входом! Людей было много, Управление императорской гвардии не успело остановить, этот человек... у него пошла кровь...

Глава 6. Просьба о помиловании

Пэй Хэн чуть не ослеп от подступившей темноты и мысленно выругался «тупица», но ему пришлось скрепя сердце направляться к выходу из дворца.

Ну настоящие исчадия ада, от которых невозможно спастись!

Стоило пролиться крови и вспыхнуть столкновению, как они тут же перевернут всё с ног на голову и заявят, что Управление императорской гвардии применило силу намеренно. Выходило, что Пэй Хэн напрасно просидел в покоях весь день, выслушивая ругань!

— Это император...!

— Приветствуем Ваше Величество!

Стоя под табличкой Дворца Линъян, Пэй Хэн увидел, что пострадавший молодой чиновник с болезненным выражением лица сидит у каменного льва. В голове зияла рваная рана, пол-лица заливало ярко-алой кровью, и сам он выглядел предельно слабым.

Остальные штатские чиновники гневно таращили глаза и сжимали кулаки, а их противостояние с охранниками Управления императорской гвардии накалилось до предела, напоминая натянутые тетивы.

— Ваше Величество, молим Вас восстановить справедливость для господина Циня! Хоть ученые мужи и готовы умирать с обличительными речами, но это не повод для Управления императорской гвардии пускать в ход кулаки и калечить людей! Это же верх бесчинства!

Ци Гуан сдержанно и тихо вымолвил:

— Ваше Величество, этот человек ведь сам...

— Я знаю, — оборвал его Пэй Хэн.

Стоило Пэй Хэну взглянуть на пострадавшего, как он сразу понял, в чем дело.

Если память ему не изменяла, раненого чиновника звали Цинь Цзяо, и он служил писцом шестого ранга в Павильоне Вэньлань. Пэй Хэн запомнил столь незначительную персону лишь потому, что однажды уже видел его в Резиденции канцлера.

Этот человек был приближенным Сыту Чжао.

Чтобы ситуация не казалась недостаточно масштабной, Сыту Чжао заранее подослал своего человека в ряды северной партии, дабы в нужный момент заварить кашу.

На волне общего возбуждения малейший повод мог спровоцировать хаос, что уж говорить о подобном самоистязании?

До чего же ядовитый умыслом человек...

Пэй Хэн мысленно выругался, но внешне сохранял сдержанность:

— Лекарей позвали?

— Докладываем Вашему Величеству, уже послали за ними.

— Если не спасут — туда ему и дорога, этот ничтожный дурак не стоит сожалений, — с презрительным фырканьем бросил Пэй Хэн и собрался повернуть назад.

Но раз уж им наконец удалось увидеть Пэй Хэна, эта толпа и не думала сдаваться:

— Ваше Величество! Жизнь одного Цинь Цзяо ничего не стоит, да и наши жизни легки, как птичье перо! Но ведь старший принц пользуется непререкаемым авторитетом при дворе, он — опора Да Юн, чья благодать в будущем коснется всех мириадов подданных! Правитель, в чьем сердце заключена вся Поднебесная, как Вы можете из-за личной неприязни заточить его в Павильон Любования Луной! Умоляем Ваше Величество отменить приказ!

— Умоляем Ваше Величество отменить приказ!

— ...

Выкрикивая это, они изо всех сил бились лбами о каменные плиты пола.

Они явно вознамерились жизнями стольких людей загнать Пэй Хэна в угол.

Пэй Хэн молча стоял на месте добрую половину мгновения.

На его лбу заходили желваки. Медленно повернувшись к толпе, он бросил с холодным, деспотичным выражением:

— Ладно! Тогда, пожалуй, Мне лучше продать Се Цзиня в цветочные кварталы на Улице Юнь, чтобы его и тысяча, и десять тысяч мужчин испробовали — вот уж поистине «благодать для мириадов подданных»...

Не успела смолкнуть последняя фраза, как звонкая пощечина со всего маху обрушилась на его лицо, не оставив и следа снисхождения!

Вдовствующая императрица Юань появилась у Дворца Линъян неизвестно когда.

В ней не осталось ни прежней степенности, ни мягкости: золотые и серебряные шпильки в высокой причёске со звоном столкнулись друг с другом. Было очевидно, что она услышала слова Пэй Хэна и, не в силах совладать с охватившим ее гневом, бросилась сюда сама, чтобы пустить в ход руки.

— Я... да как я произвела на свет такого негодяя!

Вдовствующая императрица всю жизнь усердно молилась Будде, отличалась мягким и добрым нравом и даже на слуг никогда не повышала голос, а этот удар словно вобрал в себя всю накопившуюся за годы ярость.

Он также лишил дара речи всех присутствующих.

Яо Гуй сориентировался быстрее прочих и поспешно велел закрыть главные ворота, а всю прислугу отослал в боковые покои.

Пэй Хэн подушечкой пальца легко провел по уголку рта и криво усмехнулся:

— Наверное, матушка носила эту обиду в сердце лет десять?

— Ты... — в уголках глаз Вдовствующей императрицы блеснули слезы бессилия и боли.

Пэй Хэн медленно выпрямился во весь рост:

— Верно! И почему же матушка родила на свет именно такого живучего негодяя, почему я тогда просто не окошел за стенами дворца?

Не успела Вдовствующая императрица опомниться, как Пэй Хэн с непроницаемым лицом отвесил себе еще одну пощечину по другой щеке — резкую и сокрушительную.

— Безумец! Что вытворяет император... — прекрасное лицо Вдовствующей императрицы исказилось от испуга, она поистине была потрясена его выходкой.

— Матушка, сказали бы раньше! Хоть я и не умею притворяться столь же почтительным сыном, как Се Цзинь, разве я позволил бы Вам марать собственные руки?

В его горле клокотал холодный смех. С этими словами он зашагал обратно в покои.

Глядя на ярко-красный отпечаток ладони на его щеке и вспоминая те лишения, что выпали на

его долю за пределами дворца, она одновременно испытывала гнев и щемящую боль в груди. Глубоко вздохнув, чтобы хоть немного успокоиться, она шагнула вперед:

— Ты не понимаешь, как А-Цзинь заботился о тебе и о положении при дворе, он ведь сознательно скрывал от всех правду о серье-гвоздике «Иволга». Если бы не недавний тяжелый приступ Великого наставника Кана и этот абсурдный балаган у Дворца Линъян, я бы и сама не ведала, что ты творишь такое безумство...

— Это у Се Цзиня кишка тонка! — тихо и презрительно бросил Пэй Хэн. — Поверь, бывает и хуже.

— ...Что ты сказал?

Пэй Хэн в тот же миг принял беззаботный вид, невозмутимо уселся на место, взял с подноса кусок жареного мяса и отправил его в рот, запив глотком вина.

— Полагаю, у матушки тоже нет аппетита. Если больше нет никаких дел, возвращайтесь-ка лучше пораньше к себе, ухаживать за вашим любимым, столь разумным старшим сыном.

Вдовствующая императрица тихо всхлипнула:

— У А-Цзиня больше нет ни титула, ни официальной должности, а то посмертное императорское письмо твоего отца служило лишь гарантией его жизни. Почему же теперь, когда все зашло так далеко, ты по-прежнему не желаешь отпустить его?

— Отпустить?

Пэй Хэну это показалось смешным. Осушив остатки вина до дна, он точеными пальцами принялся играть с пустой чашей:

— Се Цзинь всего-навсего разок переболел, а матушка, судя по всему, позабыла, какими талантами обладает этот Мой августейший братец. В нынешние смутные времена он сумел завоевать сердца людей по всей Поднебесной, перед смертью император призвал к одру лишь его одного, те северные чиновники только и ждут случая возвести его на трон, в пограничных гарнизонах полно его верных людей, да и семь великих кланов Цзянху связаны с ним теснейшими узами! То, что Я сохранил ему жизнь — уже проявление величайшего великодушия. О какой еще милости «отпустить» может идти речь?

— Даже если в душе ты опасаешься его... тебе вовсе не стоило доводить дело до столь позорного конца. Что это за место такое — Павильон Любования Луной? Сохранить целомудрие и претерпеть такое унижение — его репутация теперь хуже, чем у евнуха низшего разряда. Как ты хочешь, чтобы он после этого смотрел людям в глаза?!

Вдовствующая императрица прекрасно знала нрав сына, а потому понимала, что дальнейшие уговоры бесполезны. Тяжело вздохнув, она произнесла:

— А-Хэн, остановись. Нельзя же позволять такому числу людей при дворе и дальше расплачиваться из-за вашей старой вражды. Верни серьгу-гвоздик «Иволга» и больше никогда не заводи речь о заточении А-Цзиня в Павильон Любования Луной, хорошо?

Понимание так и не было достигнуто, и атмосфера в покоях мгновенно заледенела.

В следующий миг раздался резкий звук — винная чаша с силой полетела прямо в угольную жаровню, разбрызгивая во все стороны искры и осколки, которые попадали на императорский халат Пэй Хэна.

Лицо его помрачнело до неузнаваемости, а в голосе зазвучала ядовитая ирония:

— Я-то думал, матушка от природы слаба и робости полна, боится ветра и дождей, а потому и не вмешивается в государственные дела, никогда не оспаривая ни единого решения покойного императора. Оказывается, в критический момент матушка вполне способна просить за своего драгоценного сынка!

— А-Хэн...

Тыльная сторона ладони Пэй Хэна оказалась порезана осколком фарфора, но краснота в его глазах пылала куда жарче.

Он с наживом допытывался:

— Так почему же тогда, когда отец бросил ему упрек в том, что «баловство губит волю», Се Цзинь прямо при дворе занес меч и убил собаку, которую я выкармливал десять лет, ты не заступилась за меня?!

— Се Цзинь пожелал пожаловать своей биологической матери, госпоже Се, титул благородной супруги — той самой ядовитой твари, что истязала и третировала меня пятнадцать лет! И за нее ты тоже не заступилась.

— А та битва при горах Куйшань пять лет назад? Подкрепление, которое должно было прийти ко мне на помощь, Се Цзинь перехватил и увел на полпути. Ради военных заслуг он решил затмить меня, обрекая на верную смерть меня и семью моих воинов, и хоть раз замолвил ты за меня словечко перед отцом?!

Огонь в жаровне снова взметнулся вверх.

Глядя на бушующее пламя, Вдовствующая императрица испуганно отступила на два шага назад.

Стиснув зубы, Пэй Хэн процедил:

— Все те страдания, что выпали на мою долю до пятнадцати лет, в придачу к бесчисленным последующим ударам — неужели Се Цзинь сможет искупить перед Мной свой долг, всего лишь побывав в роли придворного фаворита?!

<http://bllate.org/book/28025/3393521>